

ЛИТЕРАТУРАЗНАЇСТВА

УДК 82

© А. Н. Андреев

ЛИТЕРАТУРА КАК ТИП УПРАВЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИЕЙ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Исследуются свойства литературы как одного из типов управления информацией в обществе. Установлено, что литература как тип управления информацией духовного порядка вступает в противоречие с законом информационного общества, где царит культ информации бездуховной.

The article reveals the properties of literature as one of the types of information guidance in the society. Literature is found to be a type of information guidance spiritual order is in conflict with the law of the information society, where there is the cult of spiritless information.

Введение

Начнем с очевидного постулата, который нуждается в научном комментарии, превращающем очевидное в сплошной дискуссионный дискурс. Постулат гласит: *хорошая литература – это плохо выраженная мысль*. Это означает, между прочим, следующее: хорошо, адекватно, при помощи системы понятий выраженная мысль перестает быть хорошей литературой. Плохо выраженная мысль тогда только становится хорошей литературой, когда «плохо» означает «не теми средствами». Мысль, выраженная с помощью образа, в принципе не может быть выражена «хорошо», ибо образ является способом и инструментом воздействия на чувства в гораздо большей степени, нежели на те сферы, что рождают мысль.

Следовательно, мысль, выраженная с помощью образа, должна быть выражена максимально хорошо (несмотря на то, что, с точки зрения абстрактно-логического мышления, сам образ как способ существования мысли «плох», несовершенен) – тогда лишь можно говорить о хорошей литературе. Отношения «мысли» («философии») и «литературы» – это, если угодно, центральная проблема гуманитарных наук. Природа, информационная природа этих отношений, которые необходимо представить как предмет научного описания: вот цель нашего исследования.

1

Первое, что делает писатель, – сознательно или бессознательно разграничивает, разделяет сознательную и бессознательную сферы. За сознанием остается *функция обобщения*, за бессознательным – *функция творить*

чувственно воспринимаемую единичную модель, способную стать материалом для обобщений. Это решающее условие возникновения всякой сколько-нибудь культурной деятельности. Собственно, разграничение это и означает появление *содержательного* (идейного, смыслового) плана: за деревьями становится виден лес. Как только сознательная и бессознательная сферы вступают в контакт, как только нащупывается и определяется разный характер их деятельности (бессознательное обеспечивает эффективное *приспособление* к реальности, воспринимаемой чувствами как конкретная модель; сознательное – это уже *отношение познания*, осуществляемое в форме абстрактно-логической, отношение, результатом которого является обобщение чувственного опыта – системы идей), тогда и возникает культурная содержательность человеческой деятельности. Эту содержательность и отражает литература (в этом смысле подражая жизни).

Итак, литература – это результат совмещения *двух типов управления информацией*: от души (бессознательное приспособление, язык которого – образы) и от ума (адекватное отражение универсума, то есть – познание, осуществляемое языком понятий). Уточним: душевная регуляция – это, собственно, *природная* регуляция; ориентация в мире посредством познанных законов – это *культурная* жизнедеятельность.

С появлением ментальной дифференциации (сознательное – бессознательное) появляются цель и смысл художественного творчества или, если угодно, адресат и сверхзадача: направлять информацию одновременно сознательным и бессознательным пластам человека. А зачем, спрашивается?

С целью создания человеческого пространства, человеческого (в данном контексте – культурного) измерения. Творец, бессознательно ориентируясь на коллективное бессознательное, «сочиняет» образцы, на которые ориентируются уже иные индивидуумы. Социальная значимость творчества изначально была определяющей. Сказать что-нибудь всегда означало сказать «им» и «во имя».

Что касается иных информационных аспектов творчества (в частности, эвристического и эстетического), то художественное творчество в этом отношении представляет собой многоуровневую информационную игру. Эти аспекты в гораздо большей мере адресованы личности, нежели социуму.

Таким образом, творец (писатель – в первую очередь) по определению является практическим психологом (ибо разбираться в человеке – разбираться в психологии), он специализируется на психическом управлении психическими процессами. Это с одной стороны. С другой – он является антропологическим философом, то есть, в значительной степени сознательно относится к психическим процессам, вовлеченным в более сложный процесс смыслопроизводства. Принципиально важно совмещение несовместимых сторон, ибо умение моделировать многомерность и есть, собствен-

но, информационная подоплека таланта. Более того: это и есть талант как таковой. Чем больше информации удается аккумулировать писателю – тем более он талантлив. Чуткость к количеству и качеству информации – вот природа художественного таланта. А наиболее содержательной информационной единицей для сердца и ума является *личность*.

Именно в таком ключе и контексте следует рассматривать природу художественного потенциала.

Гениальность художественная – это *информационные способности творить красоту*, с помощью которых удается *обнаружить* в человеке *личность*. Гениальность – это дар постижения и изображения человека с позиций личности.

Художественный талант – это *информационные способности творить красоту*, с помощью которых удается *предчувствовать* в человеке *личность*. Что касается художественных способностей, то определение их сути в контексте «гений» и «талант» видится таким: это природный *информационный дар фиксировать в образах мысль (творить красоту)*.

Разница между *способностями*, с одной стороны, и *талантом* и *гением*, с другой, является не количественной, но качественной. Это феномены разной информационной природы. Способности как дар *формотворчества*, как некая технологическая вещь в себе переходят в *умение*, которое может развиваться до степеней, присущих таланту или гению.

Поскольку способность *выражать* информацию в известном смысле автономна от *качества* самой информации (то есть, от духовной составляющей – от первоосновы! – таланта или гения), то в принципе допустимо расхождение между информационными возможностями (способностями) субъекта и реальным содержанием его творчества, между формотворчеством и идейно-духовным содержанием – между Красотой и Истиной. Потенциально талантливый или гениальный человек может так и не раскрыть возможности своего дара в полной мере.

В этой связи определение классических произведений искусства (литературы в первую очередь) может быть следующим. *Образцовое, классическое произведение – это гениальное умение с помощью минимума средств выразить максимум информации, – информации персоноцентрической, иерархически структурированной*. Совмещение и соподчинение ценностных парадигм в каждом фрагменте (информационной единице) целостного полотна – вот что такое классика.

Максимум информации обеспечивается максимумом понимания (качеством концепций). Вот почему сознание является важнейшим – решающим! – компонентом творчества. В идеале художественное произведение отражает научно обоснованные законы. Вот почему научный коммента-

рий художественного – неперенный атрибут культуры. Если образы без очевидных натяжек переводятся в сложнейшие системы понятий, если они совмещаются с системами систем, тяготеющими к целостности, следовательно, перед нами удачная (более-менее адекватная) модель универсума. Шедевр – это не что иное, как бессознательное постижение сознательно отраженного (или пока не отраженного), это информационная «матрешка» или пирамида пирамид, которые существуют в образном дискурсе. Принципиальное качество, отличающее художественный шедевр, – это предрасположенность к научно-концептуальной, системной и целостной, конвертации.

Вот почему специализация литературы на производстве информации определенного идеологического типа (национальной, религиозной, пост-модернистской и т. п.) является выражением беспомощности в отношении информации универсальной. Хорошая литература – всегда обо всем, то есть, об истине, которая непосредственно связана с понятием «личность».

А теперь совместим сказанное в последних абзацах с тем, что было изложено в начале. Вспомним: хорошая литература – это плохо выраженная мысль. Хорошая литература, иначе говоря, – это верная мировоззренческая концепция, которая кажется просто жизнью. Космос, замаскированный под хаос. Культура, являющаяся продолжением природы. Персоноцентризм, являющийся продолжением социо- и индивидоцентризма. Гибрид.

Множественно пограничное положение литературы (с одной стороны, между природой и культурой, что означает: между литературой и другими видами искусства, гораздо менее ориентированными на ум; и с другой стороны, между природой и культурой, что означает: между литературой и научной философией) делает ее миссию особенной. Поскольку у нее есть «рычаги воздействия» на психику (правильнее было бы сказать: литература сама является продолжением психического, натурального, в разумном, культурном поле) и, отчасти, на сознание, постольку именно литературу люди чаще всего склонны рассматривать как своеобразный сертификат целостности человека. Литература есть свидетельство противоречивого единства человеческого и личностного начал, неразумного и разумного, и «красота» как ипостась подобного свидетельства (эстетическая окрашенность этического и вообще всего «истинного») как бы освящает, благословляет это единство.

Вот почему художественное слово всегда было в известном смысле сакральным. Вначале было слово – библейское, художественное, конечно же, слово. С научной точки зрения, литература является впечатляющим моментом выражения гармонии (в своих классических, вершинных достижениях): образцом сосуществования двух типов управления информацией. Гармония – это больше, нежели два в одном; это еще и качественно иное «одно». Это целостность, в рамках которой неравноправные отношения

создают органику гармонии. Если угодно, сама литература с ее опорой на метафоричность мышления, является метафорой: гармония – ее второе имя.

Амбивалентность художественной литературы, изящной словесности, а не какого-либо другого вида искусства, делает именно ее своеобразной точкой золотого сечения в том «поле», где натура перетекает в культуру и становится культурной составляющей. Особенно мощно качество амбивалентности выразилось в самой престижной номинации – романе, где «сделанное» смотрится естественно вызревшим. Нигде рукотворное не выглядит столь органичным, как в реалистическом романе. Сегодня высокая художественная культура говорит с нами прежде всего языком романа, и разговоры о «смерти романа» – это тревожное свидетельство кризиса культуры.

Диалектика художественного сознания концентрирует в себе всю проблематику отношений человека с миром. Художественное произведение – это всегда попытка преодолеть немоту, заговорить более понятным языком. Словесно-художественное произведение, если так можно выразиться, рождается в процессе отрицание художественного произведения, ибо оно является стремлением к иному, более высокому, информационному уровню, нежели тот, что уже закреплен в образах. С помощью слов, инструмента мысли, всегда говорится больше, чем содержится в бессознательно рожденном образе как таковом. Литература – это феномен бессознательно сконцентрированных смыслов, которые неожиданно становятся генератором, порождающим мириады неких неучтенных смыслов; и вся эта подвижная смысловая стихия стремится к самоотрицанию – и одновременно к самоутверждению, к воплощению в системе идей; а это качественно иной формат, всегда более культурный по сравнению с прежним, бессистемным. Мостик-скрепа от природы к культуре, воплощенная идея информационного прогресса в чистом виде, одна сплошная метафора – вот что такое словесно-художественное произведение.

Всякая информация магистрального плана обрастает побочными смыслами, каждый тезис тяготеет к более пространному дискурсу, к совмещению с иными системами для выявления полного смыслового потенциала – к самоотрицанию, к самоуничтожению, в известном отношении. Одно дело быть каплей, и совсем иное – каплей океана. Информационные сегменты стремятся к тому, чтобы быть поглощенными иной информационной галактикой, стремятся к репрезентации на высших информационных этажах: такова логика развития информационного космоса, логика целостно организованного мира, логика порядка вещей, как ее иногда называют.

Образ уже чреват понятиями, и ему, так сказать, некуда деваться: он вынужден эволюционировать в сторону большего информационного притяжения (напряжения), в сторону более мощной информационной концентрации, информационного сгустка, своеобразного аналога «черной дыры».

Вы сказали «а», обозначили начальное звено парадигмы – и в каком-то смысле вы уже подразумеваете, возможно, еще не существующее «я». Поскольку образ не может не содержать в себе понятий (в силу того, что образ сам уже есть продукт обобщения), происходит наложение двух информационных форматов. Вот почему литература тяготеет к интерпретации, к аналитическому истолкованию, к культурному освоению и усвоению (если есть что усваивать, конечно). «Не трожьте музыку руками» – сказано ярко, но неглубоко, то есть безответственно (в литературе подобное встречается сплошь и рядом). Надо именно «трогать» – анализировать, помещать в самые разные контексты с целью выявить объективную картину.

Итак, на литературу самой логикой вещей возложена особая культурная миссия. Необходимый и неизбежный переход от одного типа управления информацией к другому, от натуре к культуре, делает литературу как тип управления информацией, с одной стороны, ключевым переходным звеном, а с другой – гарантом целостности, гарантом того, что культура никогда не потеряет связи с почвой, с природой. Делает скрепой. Не так страшно идти вперед, если за плечами литература, которая вас подталкивает и не отпускает. Это, в частности, означает, что литература как особый язык культуры по-прежнему будет оставаться незаменимым инструментом в деле «духовного производства» личности. Человек искренне верит своему облагороженному «литературному отражению», считая, что таким образом он «попал в культуру»; личность критически (и не без оснований) относится к такому отражению. Литература, конечно, не может примирить человека и личность; но она становится площадкой для примирения.

Во всяком случае, ясно одно: культурный (следовательно, гуманистический) потенциал литературы обладает свойствами целостно устроенного универсума: он практически неисчерпаем.

2

В данном контексте тема «литература в информационном обществе» обретает особый смысл.

Строго говоря, человек – существо информационное, он всегда жил в информационном обществе. Когда сегодня акцентируют понятие «информационное», когда его делают ключевым словом, характеризующим эпоху, то имеют в виду прежде всего колоссальные возможности информационных технологий. Понятие информационное общество отражает не содержательную сторону информационной пирамиды, вершиной и одновременно основанием которой является философия, не новую суть, не новый взгляд на природу человека – а новые технологические возможности «загружать» человека информацией определенного рода; при этом чем больше загружается информацией человек, чем более становится интерактивным, тем более он отдаляется от идеального информационного прототипа – от личности,

которая является вместилищем мировоззренческой информации. В информационном обществе количество малоконцептуальной информации не переходит в качество, которое являлось бы показателем духовности. Количество информации с низким содержанием высоких, то есть высокого обобщающего уровня, идей не способно генерировать духовность, а точнее, оно активно генерирует бездуховность как тип приспособления к миру. Иными словами, человек изменяет своему информационному предназначению, уклоняется от максимальной информационной нагрузки – быть личностью.

Именно так: в информационном обществе человек прекращает эволюционировать как существо информационное, ибо приспособление всячески мимикрирует под познание, что является формой информационной деградации. Совершенствование человека путем естественным, то есть превращение его в нравственно развитую личность путем освоения все новых и новых уровней информации, что достигается способом отрицания отрицания сложнейших идеологических парадигм (а это ведет на генеральный уровень обобщения, к философии), – это *информационный процесс*, и здесь на первый план выходят уже не столько информационные технологии, сколько духовные. Информационные технологии должны обслуживать духовные, а не подавлять их: таков закон культуры; закон цивилизации гласит: даешь качественную информацию такого порядка, чтобы качественно (цивилизованно!) обслуживать низменные, докультурные потребности человека, и тем самым всячески отвлекать его от культурной сверхзадачи – воспитывать в себе личность.

Строго говоря, информационная деградация, возникающая в информационном обществе, – это и есть триумф цивилизации, исторической миссией которой был информационный прорыв: подготовка к сознательному отделению природы от культуры, человека от личности (для того, чтобы обрести, наконец, информационную целостность); следующий информационный этап – превращение цивилизации в культуру.

Понятно, что литература информационного общества призвана выполнять социальный заказ: препятствовать превращению человека в личность. Это с успехом и выполняет и так называемая «массовая литература», чутко улавливающая веяния времени, сплошь состоящие из колебаний коллективного бессознательного, и гейм-литература, из последних сил цепляющаяся за миф о чистом, но отчего-то порочном, искусстве.

Что представляет собой чтиво (массовая литература) как тип управления информацией?

Дозы философии, которые делают литературу способом духовного производства человека, просто напросто убивают чтиво, поэтому первое условие существования и процветания чтива – культ отрицания философии в любой форме, подмена мировоззрения мироощущением. Приспособ-

ление человека к ситуации, в которой он истребляет в себе самопознание, культивирует издевательское отношение к потребностям личности, – вот «культурная» миссия читва.

Чtivo – это агрессия природы под видом культурного просвещения.

Вот почему читво как тип управления информацией представляет собой абсолютизацию бессознательного приспособления homo economicus'a к осуществляемой им технологической революции, бессознательного приспособления к ситуации «бессмысленности и бесперспективности познания» («homo sapiens, немедленно перестать познавать себя, не то козленочком станешь!»), приспособления, языком которого выступает образность низшего порядка, способная передавать простейшие мысли и чувства. Познавать мир с целью заблокировать самопознание: вот такая печальная информационная картина получается, с точки зрения перспектив развития гуманизма.

Специализироваться на аналитике читва и вообще масскульта – значит, специализироваться на технологии производства глупостей. Технология формирования разумного, философского отношения к жизни – это задача культурного информационного прорыва. В этом смысле наше информационное общество еще далеко от подлинного культа информации.

В заключение уточним «очевидный постулат», с которого мы начали наши рассуждения. Хорошая литература – это плохо выраженная мысль, которая, тем не менее, *замечательно усваивается*, если к литературе подключается философия, путь к которой пролегает через литературу.

Подобная корректировка позволяет осознать амбивалентные возможности литературы как типа управления информацией.

«Осознать» же означает поставить на службу человеку, стремящемуся стать личностью.

Выводы

Существует два типа управления информацией: от души (бессознательное приспособление, язык которого – образы) и от ума (адекватное отражение универсума, то есть – познание, осуществляемое языком понятий). При этом душевная регуляция – это, собственно, *природная* регуляция; ориентация в мире посредством познанных законов – это *культурная* жизнедеятельность.

Литература в этом контексте выступает как способ совмещения двух типов управления информацией, что сообщает ей качества амбивалентности. Культурный (следовательно, гуманистический) потенциал литературы обладает свойствами целостно устроенного универсума: он практически неисчерпаем.

Литература как тип управления информацией духовного порядка вступает в противоречие с законом информационного общества, где царит культ информации бездуховной.